

ЕВГЕНИЙ НЕЧКАСОВ

К ДРУГОМУ
МИФУ

2023

УДК 141.4

H59

H59 Нечкасов Е. А. К Другому Мифу. — Тотенбург, 2023. — с.

Философско-богословские очерки о природе мифа, сакральных языках и речи, устремленных к своему сказывающему апофатическому истоку. Вторая часть книги посвящена полемическому сравнению философских программ Мартина Хайдеггера и традиционализма в свете разработки теологии и философии Другого Мифа.

Структура книги выстроена таким образом, что её рекомендуется читать дважды, сразу же после первого прочтения.

Рекомендовано для широкого круга читателей, интересующихся мифологией, метафизикой, философией, лингвистикой и онтологией, религиоведам и интеллектуалам.

УДК 141.4

© В оформлении обложки использована работа
Zdzisław Beksiński

© Нечкасов Е. А., 2023

Разрешается использование и цитирование текста и фрагментов при сохранении целостности и неизменности и с указанием автора и ссылкой на издание.

www.askrsvarte.org

ГЛАВЫ

I. РАЗВЕТВЛЕНИЯ.....	7
I. Мифос и поэзис	10
II. Богиня Речь	36
III. Жертва Одина	68
IV. Поэты и философы.....	107
V. Мы-Ничто.....	134
VI. Традиция как язык	153
VII. Метафизика маски	194
II. ГДЕ СЛОВА НЕТ	213
I. Das Wort	216
III. ЭСХАТОЛОГИЯ ЯЗЫКА.....	239
I. Конец речи — конец света	239
II. Жертва, болтовня, цезура.....	254
III. Математика	270
IV. К Другому Мифу.....	287

IV. ХАЙДЕГГЕР И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ	308
I. Предварительная экспозиция.....	312
II. Метафизика и бытие.....	319
III. Dasein.....	326
IV. Священное	333
V. Теология	353
VI. Четверица.....	384
VII. Последний Бог.....	396
VIII. Грядущие.....	407
IX. Другое Начало	419
X. Горизонты совмещения.....	430
БИБЛИОГРАФИЯ	468
SUMMARY	477

ФИЛОСОФСКО-
БОГОСЛОВСКИЕ
ОЧЕРКИ

~

FÜR
DIE ZUKÜNFTIGEN

I РАЗВЕТВЛЕНИЯ

«Не следует ли нам в ночи мира прекратить наши страдающие метания и обрести молчание и точку опоры в пустоте Ничто, которая всегда нам доступна, и из этой пограничной с Ничто тишины безмолвия вымолчать новое Слово Божества?»¹»

Предварительные размышления над озвученным предложением наводят нас на тропинки мыслей, ветвящиеся мифами великих традиций. Поскольку верховным Божеством германцев является ас Один, предстающий как скрытый под маской Странник, то не стоит откладывать отправление в путь.

Почему вымалчивание, а не прямое выговаривание? Что есть «слово Божества» — его речение или неизвестное имя, дающее основание быть? Отношения безмолвия к сказыванию, слова к имени и их к человеку и Божественности — всё это погружает нас в проблематику языка и речи.

Ночь мира явно отсылает нас к необходимости понимания нашего контемпорального момента,

¹ См.: Нечкасов Е. «Приближение и окружение. Очерки о Германском Логосе, Традиции и Ничто», «Традиция и футурошок. Образы не нашего будущего».

локализации в predetermined этапе, который характеризуется острой проблемой отчуждения не только в социальной сфере, но и, что важнее, в сфере отношения к священному и бытию как первейшим онтологическим и экзистенциальным категориям.

В свою очередь, это аффектирует возможности самого высказывания: можем ли мы слепо повторять старые мифы, будто тысяч лет истории отчуждения, распада и забвения как бы не было вовсе? Нам такой подход кажется невозможным, он основывается на инерционной вере либо расчёте, и таит в себе задрапированное сомнение. Фридрих Георг Юнгер утверждает, что любой миф есть метанарратив и метаистория, то есть один сюжет разворачивается на протяжении всей человеческой истории. В таком случае нам необходима поправка на время и события его хода. Это подводит нас к проблеме возможности принципиально нового, то есть Другого Мифа как метаисторического и в целом онтологического сказа.

Вплотную к этому прилегает проблема корректного понимания инстанции Ничто, затронутой в отправном для нашего путешествия отрывке. Поверхностные ассоциации неизменно подталкивают нас к быстрому решению через сведение проблемы только лишь к материализму и культурному нигилизму, но такого развития событий в сфере мышления стоит избежать и поставить вопрос более радикальным образом и в

прямой связи с языком, речью и бытием человека и Божеств.

Возможность обращения к Ничто открывается в нашу эпоху в ходе распада и остывания завершившей себя традиции мышления западной метафизики. И здесь мы неизбежно встречаемся с фундаментальной постановкой проблемы эсхатологии бытия Мартина Хайдеггера. Он ставил в центр своего мышления вопрос о Другом Начале вне западной метафизики и её структур. В мифологической картине мира после конца следует новое начало, циклическое возрождение и возвращение мира, то есть всё того же. Но Традиция также учит, что смерть и конец — это неотъемлемая часть испытания, жертвы и ритуала перехода и инициации. Эсхатологический момент открывает перед нами едва уловимый зазор, разветвление дорог судьбы. Метафизическую проблему нового, а точнее — Другого, посреди всё того же.

И, разумеется, всё это является насущными проблемами для европейского человека в первую очередь, это наша рефлексия относительно нашей судьбы, очерченной двумя формулами. Первой — от Юлиуса Эволы, гласящей, что если Европе выпал жребий первой спуститься в бездну упадка, умирания и тьмы, то ей же предстоит и первой выйти по ту сторону очищенной. И второй — от Мартина Хайдеггера, говорящей о бесконечных возможностях нашей истории, если человек

отважится на аутентичное и рискованное, фундаментальное переучреждение истины бытия.

Всё это мы спрашиваем, странствуя среди высот этих вопросов в ожидании безмолвного ответа.

I МИФΟΣ И ПОЭЗИС

Миф есть первичная онтологическая реальность. Фундаментальный способ восприятия и выражения бытия, который обладает всеми необходимыми структурами и процедурами мышления, чтобы описывать все явления и давать ответы на все вопросы. Миф — корневая структура человеческого бытия-в-мире и мышления, по сути, мы — *Homo Mythicus*.

Миф так и не был выкорчеван Просвещением, но был существенно потеснен на периферию, а в Постмодерне частично реабилитирован, но и существенно девальвирован со статуса большого нарратива до уровня стереотипа или флюидной идентичности субкультур по выбору.

Использование термина «реальность» для объяснения сущности мифа накладывает специфические ограничения, связанные с имплицитным подразумеванием деления на пару

«реальное, достоверное» и «нереальное, ложное, фиктивное». Оно происходит от латинского *res* — вещь, собственность, дело и деяние. Реальность дословно есть вещность, *предметность* в её зримой наличности как собственность. Эта траектория напрямую уводит нас к позднему материализму вплоть до наивного позитивизма и эмпиризма, в которых чудеса и вовсе «отменены» либо симулированы.

О мифе Евгений Головин говорил следующее:

«Миф нельзя исследовать, интерпретировать, на основании мифа нельзя “приходить к выводам” научного, психологического либо нравственного характера, миф просто даёт знать о своем присутствии — так молния предупреждает бузину: я иду, скрывайся. И это дерево имеет свойство уклоняться от молнии. Мифы повествуют о героях божественного происхождения и активное пространство мифа не наше пространство суть»².

Но если употребление этого слова призвано подчеркнуть конкретность, наглядную данность истины мифа, то дела действительно обстоят таким образом: в мифе нет чего-то «нереального», а вышеназванное деление проявляется в креационизме и полноценно наследуется и укрепляется в Новое время. Поэтому сама дефиниция «миф реален»

² См.: Головин Е. «Приближение к Снежной Королеве».

является избыточной и тавтологичной. Следует подобрать замену слову «реальность», чтобы избежать контрабандного наличия теневого полюса исключённости нереального из сферы реальности. Для этого предварительно подходит славянское слово «явь» и его производные, связанные со срединным миром и явленным наличием, но без подчёркнутой предметности. Слово «явь» как «то, что видно [наяву]».

Миф происходит от греческого *μῦθος*, что дословно означает устный рассказ, повествование и историю. Как было сказано, миф обладает объяснительной силой для всего мироздания и отвечает на все вопросы в рамках народных культур и преданий. Если Традиция — это *tradere*, то есть передача, то миф — это способ бытия Традиции, то есть устная передача рассказа о том, откуда, как, почему и каким образом есть вообще всё и какие закон и судьба этому всему приписаны, какой жребий вытянут. Об этом расскажут норны или мойры, Божества либо их посланцы, души предков, провидцы, шаманы или мудрецы. Миф выражается в речи, и индоевропейские народы отдавали преимущество именно устной передаче традиции. Но через речь миф теснейшим образом связан и с языком народа (хотя понятие языка шире только речи как говорения), который является его носителем и говорителем. Тем самым, заступая вперед, мы можем обрисовать метафору Традиции как древа, которое будет схожим с лингвистическим деревом. Хотя ближе к сути дела будет метафора

леса, где каждое древо будет воплощать то, что на лингвистическом древе будет соответствовать близкой языковой семье с разными разветвлениями. Ибо мы знаем, что народы одной языковой семьи выражают одну традицию, но со своими языковыми и местными вариациями.

Перед нами встают два вопроса: кто речет, кто рассказчик всего сущего, того, что есть (*seiende-imaganzē*, по Хайдеггеру)? И каково происхождение языка в срединном мире людей?

Вопрос о происхождении языка, а значит, и речи разрешается только в мифе, и никакие научные гипотезы не могут дать ответа на этот вопрос, это абсолютно не их сфера компетенций. Наука предлагает лишь веер слабоубедительных и подчас откровенно пошлых *догадок* о происхождении и эволюции языка. Язык и речь дарованы людям Божествами, и, вероятно, это вообще самый главный и ключевой дар, смысл которого гораздо глубже, чем просто коммуникация, сообщение и обеспечение говорения людей друг с другом. В степях, в горах, в гуще лесов, на берегах рек и среди островов, в глубокой ночи у костра, среди других звуков людьми была расслышана песнь Божеств либо духов. Расслышана и подхвачена в пении, потому что песня — гимн, гальдр — есть первичная высшая форма человеческой речи, обращённой к обитателям горных и дольных миров, как и к существам срединного мира. Неслучайно священные тексты традиций записаны и дошли до нас в различных поэтических формах, как и

народное фольклорное предание (которое так и называется Oral Lore).

Миф рассказывает сам себя. Чему вполне соответствует холистское восприятие мира: связанность всего со всем, населённость каждого уголка духами рек, озёр, гор, полей, оврагов, камешков у дороги и бесконечное «и так далее»; мифическими же существами, животными либо растительными самостями, живыми и мёртвыми, людьми и Божествами. Рассказывающий мифы человек — не автор, но соучастник проговаривания истины, которая проходит сквозь него от муз, духов, предков либо Божеств и их посланников. Иные мифы передаются человеку другими рассказчиками, тем самым традиция — это полилог всего сущего.

Но если миф рассказывает сам себя, то каков статус Божеств, особенно верховных, которые, согласно мифу же, закладывают гормонию, порядок и закон в космосе? Мистический и метафизический монизм утверждает, что всё мироздание есть развёртывание игры ума или воображаемого театра Абсолютного Божества. В таком случае именно оно является Рассказчиком, Сказителем мифа. Но описания, образы, атрибуты, истории, связанные с этим Божеством, равно как и мистический путь отождествления с ним и раскрытия истинной природы мироздания, переданы нам в мифах же. Критерии линейной логики, причинно-следственных связей и временной последовательности в данном случае неприменимы, ибо они внесут меру и фиксацию в ту область,

которая пребывает над условностями срединного мира. Истины данных высоких сфер следует не распутывать и раскладывать по полочкам «сначала было это, а потом это», но схватывать в целостном символическом и более широком, чем рациональное, единстве. Остальное — интерпретации, порождённые принятием той или иной отправной точки для распутывания в дальнейшем. Или, иными словами: к поляне может вести множество разных лесных тропинок, но, приведя к ней, все они сливаются в едином ковре из цветов и трав.

Так миф рассказывает сам себя или это Божество рассказывает себе о себе самом; проговаривает само себя в игре с самим собой? Справедливы оба утверждения, и монистические школы недвойственности развивают и утверждают различные версии, которые можно понимать как формулы насыщенного выражения единства на пределе выразительных средств дискурсивной речи — выражения, которое имеет грамматическую структуру и последовательность проговаривания. Такова, например, фраза «ты то еси», в которой ещё есть грамматика и лексика, в отличие от махамантры AUM, которая является отдельным слогом и тяготеет к чистой вокальной форме.

Поиск первичности в субъекте или объекте в данном случае не играет роли, потому что традиционный мир сакрального не знает их чёткого и безапелляционно разграничения, а порой даже и наличия. С известной долей условности можем

уточнить, что субъект есть принцип Неба-отца, а объект — принцип Земли-матери.

Мифос — речь и язык — первичен. Именно рассказ из самого себя порождает, описывает и задаёт саму структуру мироздания: миф, помещённый в центре, рассказывает нам о том, какое именно Божество этот миф рассказывает, и точно так же рассказ мифа конституирует его слушателя, форму и содержание вплоть до мельчайших деталей. Условно говоря, миф из центра создаёт слева от себя сказителя и справа слушателя, а также саму речь в той или иной форме (песня, поэзия, проза) и её наполнение — то, о чём этот миф. Наконец, миф создаёт и сам явный мир и его предметы, то есть не стоит полагать мифос как речь, подвешенную в воздухе посреди объективной природы. Когда миф умолкает — гаснут оба полюса: и сказитель, и слушатель. И здесь мифос может начать разворачивать следующую историю, её глашатаев и слушателей либо умолкнуть на долгое время. И если вы слышите какой-то миф, то это означает только одно: этот миф в данный конкретный миг рассказывает не только то, о чём в нём говорится по сюжету, этот миф рассказывает в том числе *лично вас* как внешнею его рассказу. Значит, если всё сущее мира существует, то разворачивается какой-то миф, некая метаистория, как её обозначил Фридрих Георг Юнгер.

Справедливо и неслучайно, что в священных текстах (от высших сословий до народных заговоров) отдаётся приоритет песенно-поэтической

форме, мифопоэзису. Древнегреческое слово ποιησις насыщено и может быть переведено как творчество, созидание, в философском аспекте — как *приведение к наличию того, чего раньше не было*, на-свет-выведение, вот-сюда-поставление. Известны доктрины и традиции, где мир создается песней Божеств либо где важную роль играет появление речи и наименования вещей (присвоение им сути и судьбы через имя), тем самым хаос приводится к космической гармонии. Это повторяется и в срединном мире во множестве заговоров, призванных повлиять на действительность, излечить больного, защитить хозяйство либо жизнь, призвать кого-либо к ответу и т. п., произносимых как и в быту, так и в состоянии экстатического энтузиазма в его этимологическом значении «одержимости Божествами». Мифопоэзис есть творение поэтическим словом единомгновенно рассказу мифа. Не «сначала произносится слово», а как его следствие появляется некая вещь или феномен, но само появление вещей есть форма говорения.

Само слово «вещь» в славянских языках родственно вече — собранию свободных мужей с оружием для решения общинного вопроса, законоговорения, совещания и т. д. Но ещё глубже это слово означает «говорение», «сказанное», например, в древнечешском вече — věse, а в современном вещь — věs. И само понимание вещи встарь совпадает с некоторым *делом*, вопросом, на обсуждение которого собираются достойные люди и

о котором надо вынести решение, а не только с вещью как материальным предметом, декартовским *objectum*. Аналогично удерживание в одном семантическом поле немецкого *Ding* и английского *thing* как «вещи», «дела» и исландского *þing* как аналога вече, восходящих к прагерманскому **þingą*.

В русском языке известны и такие формы, как «вещать» — говорить, рассказывать; «предвещать» либо эпитет «вещий» — провидящий наперед, *предсказывающий*, мудро прозорливый; «увещевать» — уговаривать, где звучит уже корень «говор-», отсылающий нас к аналогичному семантическому пласту устной речи, голосу (как вокализации) и языку. Таким образом, в русском поле мифопоэзис увязывается именно с этими корнями, этимологически и семантически связывается с «вещью» в значениях от дела и повода для собрания мужей с оружием (греческое *ἀρχή* — основание, начало, власть, правление) до вещей как отдельных предметов. Все они непременно сказываются, проговариваются, предвещаются либо оговариваются вокруг заговорами.

На раннем этапе слово *ποίησις* было синонимичным и использовалось на равных с понятием *τέχνη* (ремесло, навык, хитрость), но в значении конкретного мастерского делания. Аналогично ситуации очень слабого различения слов *μῦθος* и *λόγος*, каждое из которых означает говорение. *Τέχνη* есть традиционное ремесло и возвышенное искусство, которое теснейшим образом связано с целыми мифо-ритуальными

комплексами, практиками задабривания духов мастерской, покровителей ремесла, ритуальной добычей материала для изделия, жертвами Божествам и обилием поэтических заговоров — обережных, магических, заклинательных, славящих либо устрашающих. Сакральное искусство фасцинирует нас, воодушевляет, захватывает и выхватывает из повседневности, ибо через него мы видим Божественное озарение, дарованное музами мастеру либо удерживающее мощь хтонической материи в боговдохновлённых формах гармонии (это актуально, например, для германской традиции, где лучшими мастерами являются подземные дверги). Но то же самое прослеживается и в вырезании конька крыши или лога на бруске при строительстве избы. Τέχνη напрямую связано со словами τέκτων — плотник (у Аристотеля ὄλη — древесина — есть категория материи как таковой), τίκτω — приносить, порождать; с санскритским takṣati — наделять формой, давать образ, рассекать/отсекать. Прагерманский когнат греческого τέχνη — *ṛahsuz — также связан с порождением и, возможно, прядением, ткачеством.

Если поэзис — это творение в слове, в конкретной вокализации и даровании имени вещи, то аутентичное τέχνη — это творение руками как более грубая и материальная форма воплощения всё того же мифоса. Μῦθολοίησις есть сказа-на-свет-выведение (сказывание мифа, который задаёт сказителя и сказываемое), а μῦθотέχνη есть сказа-в-вещах-воплощение, облачение всего комплекса

заговорных, мифических и речевых форм в конкретной материи мастера, будь то дерево, камень, металл либо ткань.

Мифос по отношению к материальным предметам выступает в роли майевтики, повивального искусства вспомогания при родах, тоже сопряженного с ритуальными песнопениями. В философии майевтика возвышается до уровня практики и методов раскрытия истины, в частности, в сократовском стиле вопрошания. Но и сами корни греческого слова *μαῖευτική* говорят многое, задевая широкие семантические поля. Корень *μαῖα* означает повивальную бабку и уважительное обращение к женщине, матери. Одна из плеяд Майя порождает Гермеса от Зевса в греческой мифологии.

Нет оснований говорить об этимологическом родстве греческой *μαῖα* и *māyā́* санскрита, но их омонимия и семантические переключки спекулятивно обогащают исследуемый вопрос. Майя в индуизме означает не только иллюзию мира, но одновременно творящую, порождающую силу. Мир явлен взору благодаря Майе, она — покрывало (снова мотив ткачества) высшей самости Брахмана, его творческая сила и Шакти. Санскритские корни Майи говорят о значении «связывать, сковывать и обманывать» — эти мотивы получили высокое развитие в недвойственной метафизике. Можно вспомнить интерпретацию Ян де Фриса германского корня *ginn* как очаровывающего, вводящего в магическое заблуждение, в слове *Ginnungagap* (германо-

скандинавская Бездна, из которой начинается космогония).

Греческая *μαῖα* — не только повитуха, женщина-помощница³, но и мать. От понимания матери как кормилицы происходит целая категория *материи*. У Платона материей-кормилицей, которая дает место и материал для идей и форм, названа *χώρα* (хора) — букв. «широкая»; особые свободные земли за пределами греческих полисов. В идеалистической метафизике в дальнейшем происходит её противопоставление идеальному невоплощённому в предметах миру. Так мы видим и понимаем, каким образом мифос раскрывается в устной поэзии и сказе, а также в материальном мире ремесла и искусства с акцентом уже на женское и материнское начало.

Но не стоит отождествлять аутентичное мифологическое *τέχνη* с поздней *техникой* эпохи Возрождения и Просвещения. Современная нам техника не имеет отношения к тому, чем было [μῦθο]τέχνη древности. Утверждение, что исторические корни технического прогресса восходят к Античности и архаике — не более чем манипулятивная уловка ложного историала и попытка набросить свою парадигму задним числом и на прошлое, игнорируя качественное различие природ. Современная техника и её триумф обеспечены машинерией массового унифицированного производства, триумфом

³ Примечательно, что в архаических обществах в роли повитухи мог выступать и мужчина-знахарь либо шаман.

количественного экономического подхода (капитализм как его законченное выражение) и естественно-научной кафедрой, в основе которой лежит принцип исчисляемости всего сущего. Мартин Хайдеггер назвал это явление Поставом, Gestell — особым отношением к истине бытия в первую очередь, из которого современная техника и её демонический, отчуждающий человека от своей природы и бытия триумф есть лишь проявленное в данных формах следствие. В рамках Gestell истина должна соответствовать предзаданным не мифологическим, но сугубо антисакральным научным методам, теснейшим образом встроенным в закрытую систему «Капитал — Кафедра — Производство». Производство вещей в лоне Gestell — чрезмерное (ὑβρις), немое и пародирующее подлинное ремесло. Создающиеся в потоке вещи лишены мифопоэтики, они создаются не в ритуальном безмолвии, которое могло быть условием тайны творения в тишине, но в отсутствие какого-либо речения о том, что происходит. Без малейшего помысла о Божествах, без вдохновения муз и без жертв духам и отправления проклятой части на ту сторону. Единственной музыкой может быть лишь бессмысленный поток пошлости из радио, что играет фоном в цеху. Так материя порождает и пересобирает саму себя в стерильной лишённости Божественного⁴.

⁴ Подробнейшим образом вопрос техники и негативного становления Gestell рассмотрен в нашей книге «Традиция и футурошок. Образы не нашего будущего».

Но если мифопоэзис есть творение словом и *вещное* ремесло, опеваемое произведение вещи (майевтика), то есть ещё и то, что считается естественным произрастанием, зарождением и размножением сущего и жизни, — φύσις. Греческое слово «фюзис» даёт корень тому, что с эпохи Просвещения станет известно как физика и, шире, физикализм как общий зонтик для всех естественных наук об объективной природе (Natura). Ряд значений слова φύσις нам уже встречались — придавать форму, порождать, вынашивать. Но другие грани дополняют картину, фюзис — это произрастание, проявление: как трава пробивается через почву, и мы видим её побеги и всходы; как источник воды изливается через трещину в скале. Глубже корень φύω связан с протоиндоевропейским *b^huH и является когнатом староанглийского bēon — быть, становиться — и всех германских глаголов бытия/существования.

Таким образом, мы обнаруживаем некоторую дуальность внутри явного мира, который уже развёрнут из мифоса. Есть сущее, которое раскрыто в сакральном мифопоэзисе и мифотехнэ, и есть сущее, которое произрастает само собой, то есть фюзис. В целом, это вполне соответствует иерархическому движению эманаций Единого к своей нижней границе многого, πρόδος: постепенное разделение на дуальность, триадичность и множественность.

Но мы можем довольно легко уйти от этого дуализма разных порождений сущего. Не отбросить

либо отменить фюзис как нечто несуществующее, но расширить его понимание и включить, объять его холизмом недурального мифоса. Стоит лишь вспомнить, что свойства окружающей природы, ландшафта и климата, а также флоры и фауны задают творящие миры Божества и духи. Об этом повествует множество мифов, легенд, саг, эпосов и фольклорных преданий: о том, почему на этой земле появились именно эти растения и злаки (дар Деметры либо, например, грибы или растения как отдельный вид живых существ со своей историей); откуда и как сюда пришли или тут стали жить эти звери (фиджийский миф о рождении свиней как дара духа на просьбу о защите); о том, что горы — это уснувшие великаны или пристанища сокрытых героев и царей, валуны — тролли, реки — живые существа и т. д. Можно вспомнить скандинавский миф о том, что весь космос — это тело великана Имира, чьи мозги стали облаками, ресницы — лесом, кровь — водами. Поэтому фúσις не автономен как объективная картезианская природа Нового времени, данная человеку в распоряжение как подручный ресурс, но мифологически предзадан, *заговорен* либо *предвещен*, наброшен как рассказ о том, что и почему будет произрастать именно здесь, для чего или как ответный дар на какое-либо деяние или прошение со стороны людей. Отсюда напрямую следует вывод о принципиальной онтологической плюральности природ: не существует единого для всех фúσις, который якобы максимально достоверно описан в рамках

европейских наук Нового времени. Фюзисов, а значит, природ, ровно столько, сколько существует аутентичных живых мифологий и их народов, в которых они живут, проговариваются и передаются. Не бесконечное количество, но органическое многообразие. И ещё одно следствие гласит, что аутентичное мифопоэтическое бытие народа и его Божеств возможно только в тонком балансе между мифом-культурой и мифом-фюзисом (натурой), то есть в деревенской жизни без технологического прогресса и урбанизации, когда фюзис мира растений и животных доступен взору и мистическому общению непосредственно за оградой, а Божества и духи предков ходят между полянами и дворами. Потому что урбанистическая среда не является фюзисом вообще, но является физикалистским порождением того же Постава: она не произрастает ни сама собой, ни при содействии мифологической майевтики, но вновь лишь в мощи нищеты воспроизводит унифицированный и оторванный от жизни ландшафт отчуждения.

Почему же всё сходится к *natura* и физикализму в нашу эпоху? Здесь следует обратиться к индийской метафизике. Наша эпоха отмечена тотальным доминированием гуны тамас, то есть свойством невежества, тьмы, грубой материи, смерти и инерции. Известная доктрина циклов утверждает, что в каждой последующей эпохе количество благости и света умалывается, а плотность времени и сущего внутри мира нарастает. Это и есть тамас — санскритская тьма, затемнение, латинская

tenebra и русская *тьма*. Главенство принципа тамас в нашу эпоху означает доминацию сугубо материального описания и существования мира. Физика, конечно, реальна, но она — не вся полнота истины, а лишь придонный осадок вязкого ила, в который погружён весь космос. Она — не предел, не вершина и не центр истины, а скорее бастардная «правда» невежества, незнания других гунн и свойств мироздания, нашей лишённости их проявлений и наличия. Умаление света Божественной свободы и лёгкости дошло до такой глубины, что большинство считает, что никакого света раньше и вовсе не было, а разговоры о нём — лишь старые суеверия и заблуждения человечества. В физикалистскую картину мира верят не потому, что истина и в самом деле такова, а в силу неведения другого и отсутствия героической либо мистической дерзости и свободы помыслить о другом. Такое положение дел реально только потому, что миф о священной лёгкости, без труда преодолевающий гравитацию, не звучит более в грубом шуме сего дня, и разворачивается совсем другой, эсхатологический сказ.

Другое немаловажное слово, которое нельзя обойти вниманием, — это *λόγος*, имеющее огромное количество значений. Это общее свойство сакральных языков и архаической речи, где каждое слово было многогранно и насыщено семантикой, являя собой не столько конкретные сигнификации и имена, сколько принципы устройства мироздания, выраженные в языке творящего сказа.

Логос происходит от глагола λέγω — говорить, называть, рассказывать, что снова в архаические времена делает его практическим синонимом мифоса. Далее, от логоса происходят понятия слова, концепта и учения, разные «-логии» как науки.

Но исконное значение слова λόγος, прослеживаемое до протоиндоевропейского корня *leǵ, — это срезание, собирание вместе чего-либо. Мартин Хайдеггер объясняет значение глагола legein образом жатвы: срезание колосьев и их вместе-собираение как складывание подобного к подобному, связывание в пучок и сноп. С присущим разделением одного от другого, ведь к колосьям пшеницы не примешиваются тут же ягоды или полынь. Логос есть собирание в слове, мысли и размышлении, а также в конечном художественном творении. Изделие мастера тоже есть проявление логоса.

Слово «мифология» теперь не выглядит столь тавтологично, хотя оба греческих корня синонимичны друг другу и означают речь и слово. Мифология есть собирание в один сноп мифов вокруг конкретных Божеств и традиции в целом. Не просто полилог сказов всех обо всём, сливающийся в глоссолалию, но отдельные нарративы культов и народов. Здесь в мифологии усиливается собирающее начало логоса, и она подходит вплотную к теологии и философии, которые и так порой сложно разграничить друг от друга. Дальнейшее усиление логоса приведёт к его отрыву от корней мифоса и развитию в рацио. Логос также означает

переход от речи к письму, от устного сказа к тексту, а значит, к более фиксированным версиям мифа и некоему остывающему койне.

Ещё одно важнейшее измерение λόγος — это истина и вопрос истинности. Если логос есть λέγειν, вместе-собрание подобного, то само это различие подобного от другого — колоса злаков от ветви полыни — должно быть заведомо предзадано. Таким образом, истина логоса есть соответствие собираемого воедино тому, что должно быть собранным. А сам принцип различения одного от другого и есть гносеологическое измерение πόλεμος Гераклита.

В этом раскрывается корреспондентская теория истины, известная нам с Платона и Аристотеля и в разных вариациях составляющая суть западной метафизики и подхода к истине. Не вдаваясь в историю о том, как метафизика стала *мета*-физикой в ходе упорядочивания книг Аристотеля (τὰ μετὰ τὰ φυσικά), вновь обратимся к самим словам, ибо они не противоречат сути. Μεταφυσικά есть то, что *над физикой*, — сфера идей, область онтологических начал и законов. Явленный мир должен соотноситься (correspondentia) с пребывающими в горнем мире образцами, их воплощение в материи же вносит искажения, абберрации и разнообразие всего сущего. У Платона это горний мир интеллигибельных идей, где греческое слово ἰδέα буквально означает видимое, непосредственно зримое сущее. У Аристотеля это эйдос, форма вещи, и ἐντελέχεια (энтелехия) — завершенность вещи в её цели (то,

для чего) и месте; все вещи движутся к реализации заложенной в них жизненной силы либо умысла творца. Так задаётся истинность вещей и явлений — через их соответствие высшему предзаданному. В научной картине мира мы видим всё ту же метафизическую структуру, но развёрнутую в сторону материи и её законов. Истинно то, что соответствует принятой научной методологии, из которой наиболее точными считаются физико-математический корпус и язык описания; истинно то, что соответствует чистой природе и материальному подходу (принцип *adaequatio*). Таким образом, то, что Платон считал бастардным логосом, возвышается и замещает собой аполлоническую гармонию мира идей. В отношении этой метафизики Запада, простирающейся от Платона до современной науки в единой структуре, и Ницше, и Хайдеггер выстраивали стратегии преодоления и фиксировали её полную исчерпанность и завершённость. В традиционалистской доктрине этому соответствует представление о забвении и смерти Традиции в нисходящем эсхатологическом цикле.

Специфической чертой метафизики Запада (по нашему мнению, не без коллосального и решающего влияния онтологии креационистского единобожия, из которого вытекают все ключевые положения Модерна) является идея о поиске одной финальной для всех истины, некоторой сверхидеи или сверхсущего, самого высшего образца, оттиском которого является абсолютно всё мироздание.

Хайдеггер видел именно в этом ошибочность решения вопроса о бытии⁵ у древних греков, которое было унаследовано Западом. Истина бытия была подменена на сущее, на нечто «что есть», на *идея* блага, что априори закладывает искажение и несоответствие феноменального вот-бытия тому, что «сверху».

Отсюда можно развернуть вопрос о статусе единственности истины: истина одна или их много? Есть ли некоторый абсолютно универсальный набор процедур и суждений, который её подтверждает и утверждает? Это метафизический подход, от которого мы перейдём к предлагаемому Хайдеггером пониманию истины как несокрытости, алетейи.

Греческое слово *ἀλήθεια* состоит из частицы отрицания *ἀ-* и корня *λήθε*, означающего забвение, сокрытие, затемнение. В мифах Лета (*Λήθη*) — река забвения в подземном царстве Аида, где *Ἄϊδης* — это дословно отрицание видимости, зримости, того же самого корня, что и *идея*. В «Государстве» Платона Летой названа не река, но равнина — равнина Забвения, что отсылает нас к топосу и пространству, сближает с хорой.

Хайдеггер описывает истину-алетейю своей общей метафорой леса. Представим себе, что мы

⁵ Написание бытие призвано указать на разницу между *Sein* и *Seyn* у позднего Хайдеггера и отсылает к апофатическому *Seyn*. Подробнее см.: Нечкасов Е. «Приближение и окружение. Очерки о Германском Логосе, Традиции и Ничто», Дугин А. «Мартин Хайдеггер. Последний Бог».

идём по Шварцвальдской тропе, и над нашей головой плотно сомкнуты верхушки густого, тёмного леса. Но вот мы выходим на небольшую освещенную полянку. Этот свет падает через прореху, просвет в гуще лесных макушек. Этот просвет и есть алетейя. Понимание истины как алетейи — это понимание истины как несокрытости, которая даёт сущему (любым вещам) пространство являть себя в наличии и целости, этот же просвет даёт пространство тому лесу, который его ограничивает, выступать как акцентированная граница, кайма, обрамление этого просвета (как сущее, которое обрамляет греческую раскрытость-χάος, равно как и скандинавский разрыв-гар). В алетейе нет критерия истинности-как-соответствия, есть только просвет, трепетно предоставляющий себя вещам для приведения себя к бытию. Тем самым истина-алетейя сближается с поэзисом и речью, ведь мы без труда можем выговаривать противоположные утверждения, говорить как правду, так и ложь, но и одно, и другое суть говорение. Этот просвет, по сути, *ничем не является* и не аффектирует сущее, то есть он не есть хора-материя. И алетейя не удостоверяет что правда, а что нет — её правда покоится в *не-сокрытости* сущего.

Здесь можно поднять вопрос о метафизической структуре самого языка, о том, что, несмотря на свободу произвольного высказывания, необходимо соотносить любую фразу с грамматикой, чтобы она была понятной независимо от истинности или ложности содержимого. Не лишено оснований

мнение, что структура западной метафизики отражает и воплощает на новом уровне грамматическую структуру древнегреческого языка. Но если мы посмотрим шире европейского и индоевропейского грамматического канона, то увидим, что существует множество различных грамматик и способов категоризации базового опыта в мышлении, языке и речи⁶. Стихия языка оказывается шире, чем какая-то одна конкретная грамматика; внутри языка может быть множество грамматик, не говоря уже о семантиках, лексике и стилях мышления; не говоря об обилии региональных говоров, фонетических вариациях и границах изоглосс. В отношении языка (и мышления) справедливы обе метафоры: и просвета, в который входит различное сущее (языковые грамматические и иные вариации), и почвы, из которой произрастают различные деревья-традиции-языки.

Если же мы погрузимся внутрь одного из современных европейских языков, то следует отдавать приоритет поэтическим формам, где допускается гибкая игра с порядком слов, расстановкой глаголов, фонетикой и ударениями (архаическим языкам вообще свойственно произвольное ударение в словах), а также вплетаются вокализации, присказки, припевки и огромное количество метафор, парафраз, загадок, кённингов, идиом и т. п., что создаёт в песенных

⁶ См.: Бородай С. «Язык и познание. Введение в пострелятивизм».

строфах множество тонов и полутонов смысла вплоть до противоположных. Мифос оказывается экзистенциально насыщеннее логоса, проявляя дионисийскую природу языка, где и строгие высказывания, и экстатические возгласы и глоссолалии являются *крайностями* единой речи: как человек двумя руками охватывает противоположные концы жезла с сосновой шишкой.

Перед нами также не стоит проблема выбора одной из двух теорий истины, решения о том, какой подход более правдив: метафизика или несокрытость. Эта двойственность разрешается иначе: миф как сказ о сущем есть истина внутри своей традиции, в лоне народа, её передающего. Здесь следует обратиться к метафоре дерева. Из единого ствола берут начало различные ветви — это вариативность прочтений и культов разных Божеств либо истин разных сословий внутри одной традиции. Но при этом это всё то же дерево, тем самым сохраняется его укоренённость-собранность в едином теле. И множество таких деревьев образуют лес традиций. Плюральность мифологий означает плюральность истин, плюральность логосов. Когда мы погружаем взор внутрь какой-либо традиции, то внутри её мира её истина абсолютна, даже если она метафизична. Внутри своей сферы бытия правда обусловлена своим мифом, своими Божествами, своими космическими законами, моралью и нравами. Но стоит нам «вынырнуть» — мы увидим за деревьями лес, а над ним — просвет несокрытости, дающий многим

истинам простор и свет. Так мы познаём плюральность и релятивизм, понятным образом ограниченный священной мерой Божественных законов в рамках разных мифологий; избегая при этом тотального нигилизма и отрицания больших истин (большого нарратива) в пользу бесконечного потока «индивидуальных истин» в эпоху Постмодерна.

Неслучайно слово для истины образовано через отрицание сокрытия, именно как ἀ-λήθεια. В нём постоянно звучит выведение сущего к раскрытию, игра раскрытия-и-сокрытия. Хайдеггер указывает, что аспект сокрытия свершается через ἰδέα и φύσις⁷. Проявляя себя первичным образом через взрастание, вхождение сущего в просвет бытия, это сущее фиксирует внимание на себе как на существующем, обладающем формой и буквально зримым. И тем самым утверждает метафизическую истину через внятность логоса как мысли (νόημα, νοεῖν), задвигая на задний план забвения истину-несокрытость, давшую ей пространство для явления и собирания в сказ. Но даже находясь внутри какой-либо метафизической истины, в собранности логосом, мы можем экстатически прорваться к озарению тем, что если эта истина *есть как* истина, значит, она уже вошла в просвет истины-несокрытости. И это не удваивает метафизику, не создаёт мета-метафизику (ещё одного этажа поверх), но присутствует всегда имманентно как вода в воде.

⁷ См.: Хайдеггер М. «Вклады в философию. О Событии».

Фюзис есть возрастающий поток сущего в алетейе-просвете бытия, который повивально вспомагается мифологиями — и так образуются деревья-традиции, народы и цивилизации. Божества выступают как логосы, поющие мифосы самих себя, которые воплощаются в упорядоченном космосе и заботливо вместе-собранных народах, живущих в этой природе и поющих песни и гимны Божествам в ответ. Так мы понимаем, что формула «миф есть наша родина» означает не только наши небесные корни, но и конкретную природу, в лоне которой живут народы и человек. Таков мифопоэзис.

А вот много ли самих Божеств или же Божество одно — здесь следует указать на элегантное и похожее на коан решение Мартина Хайдеггера. Решение о том, много ли их или оно одно, должны принять сами Божественные, которые сойдутся для решения этого вопроса на тинг у костра бытия.

Парадоксальным образом, эта формулировка не опровергает всецело защищаемого нами многобожия, равно как не выносит и противоположного суждения, но вплотную подходит к теме теистического монизма, неоплатонической хенологии и адвайты.

